ПЕРЕВОД ИЗ АНГЛИНСКОЙ КНИГИ, НАЗЫВАЕМОЙ: THE EDINBOURGH REVIEW, OR CRITICAL JOURNAL (N VI) WEDNESDAY, 25 JANUARY 1804, ART V, PAGE 321

Путешествие из Москвы по Пруссии, Германии, Швейцарии, Франции и Англии Николая Карамзина. Второе издание. Перевод с немецкого. 3 тома в 8. 841 стран. Сидней. Лондон. 1803

Книга, содержащая в себе путешествие московского уроженца, возбуждает такое же любопытство, как и всякое необыкновенное явление, например лошадь в Венеции или в Шотландии дерево. Таковое сочинение не может быть судимо с тою строгостию, какую обыкли мы оказывать к произведениям земель более плодовитых.

Мы уже и тем должны быть довольны, естьли нам хотя кое-где попадется некоторое малое подобие с теми красотами, каковыми другие книги в неограниченном числе и степени изобилуют. Мы бы даже и на то без роптания согласились, что б принять оное по самой низкой пробе, естьли б оно под какую-нибудь пробу подходить могло. Переписка господина Николая Карамзина требует всевозможного снисхождения. Признаться должно, что она от путешественников, за которыми мы привыкли последовать, кажется нам столь далеко отстоящею и, при совершенном недостатке хороших качеств их, всеми погрешностями оных так много наполненною, что одна только редкость русского сочинения и забавная писателевой головы странность могли побудить нас к помещению сего сочинения в число рассматриваемых нами книг.[1]

---

[1] Господин Англичанин, приступая к рассматриванию русской книги, переведенной сперва на немецкий, а потом уже с оного на англинский язык, вместо основательного и здравого рассуждения начинает шутками, по мнению его весьма остроумными, но в самом деле исполненными только ядовитою и колкою бранью. Посмотрим, так ли насмешки его умны и забавны, как они ему кажутся. Во-первых, он говорит о том, чего сам не знает: русской язык вовсе ему неизвестен, а он судит о произведениях его и называет их *менее других земель плодовитыми*! Он заключает сие потому, что на англинском языке мало с русского языка переводов; но ето показывает только, что единоземцы его, равно как и все другие иностранцы, не стараются обучаться по-русски, для того что, живучи в России, удобно обходятся без русского языка. Естьли бы мы меньше их языками говорили и вообще меньше у них перенимали, тогда бы они больше по-нашему говорить и у нас перенимать стали. Заключение его могло бы иметь некоторой вид вероятности, когда бы он знал русской язык или, по крайней мере, судя о словесности нашей по многим переводам, не находил бы в них ничего путного. Но, не читавши никаких произведений наших, ни в подлиннике, ни в переводах, называть их менее других земель плодовитыми есть то же, что сравнивать две такие вещи, из которых об одной не имеет он ни малейшего понятия. Естьли бы мы столь же мало знали по-англински, как англичане знают по-русски, и вдруг бы кто-нибудь из нас, прочитав переведенную с англинского языка маловажную книжку, заключил из того о бесплодии англинских в словесности произведений и стал бы говорить о них с грубыми насмешками, что они *такое необыкновенное явление, как лошадь в Венеции или в Шотландии дерево*; естьли бы, говорю,